

ИЗ ИСТОРИИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ В СТАРОМ ВИЛЬНЮССКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

А. КАУПУЖ

Внимание исследователей, изучающих деятельность Адама Мицкевича — профессора славистики в парижском Коллеж де Франс, привлекает его широкая эрудированность в древнерусской литературе, проводившийся им анализ церковно-славянских надписей. Некоторые исследователи предполагают, что соответствующие познания поэт почерпнул еще в студенческие годы, в Вильнюсском университете, под руководством профессора русской словесности Ивана Ивановича Чернявского¹.

Имя И. И. Чернявского упоминается при рассмотрении истории изучения «Слова о полку Игореве» в начале XIX века², а также в связи с историей русско-польских культурных отношений³.

Личность его и читавшийся им курс представляют интерес как с точки зрения истории преподавания русской литературы в Вильнюсском университете, так и потому, что идеи Чернявского неизбежно должны были оказывать влияние на столь выдающихся его слушателей, как Адам Мицкевич, даже если они отвергали эти идеи.

Кроме того, Чернявский оставил в истории культуры след и как один из поэтов радикального кружка, группировавшегося в начале XIX века в «Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств»⁴.

Чернявский был профессором университета в Вильнюсе с 1805 по 1820 г. (с перерывом в 1812—1814 гг.)⁵.

¹ S. Fiszman. Na marginesie nowego znaleziska Mickiewiczowskiego. *Slavia Orientalis*, XV, Nr. 2, Warszawa, 1966, str. 139.

² Ф. Я. Прийма. «Слово о полку Игореве» в научной и художественной мысли первой четверти XIX века. Сб. «Слово о полку Игореве», М.—Л., 1950, стр. 294—295.

³ S. Fiszman, *Z polsko-rosyjskich stosunków literackich w okresie 1800—1830*. — *Z polskich studiów slawistycznych*, Warszawa, 1958, str. 117.

⁴ Поэты-радищевцы. Библиотека поэта. Большая серия. Л., 1935, стр. 589 и след.

⁵ Ошибочно указанную историком университета Ю. Белинским дату начала деятельности Чернявского в Вильнюсе — 1803 г. — (т. 3, стр. 153) воспроизвели затем автор биографической справки в издании «Поэты-радищевцы» (Л., 1935, стр. 589) и Ф. Я. Прийма, хотя сам Белинский в других местах своей монографии приводит правильную дату — 1805 г. J. Bieliński. *Uniwersytet Wileński*, t. 1—3, Kraków, 1899—1900.

После реформы университета 1803 года попечитель Виленского учебного округа А. Чарторыский подыскивал профессоров на вакантные кафедры. Русский язык с 1798/1799 до 1802/1803 уч. года преподавал назначенный губернатором судейский канцелярист Мартын Зубакович⁶, недоучившийся воспитанник Могилёвской семинарии. В связи с явным несоответствием занимаемой должности в 1803/1804 г. от услуг Зубаковича отказались. С просьбой рекомендовать кандидата на кафедру А. Чарторыский в 1804 г. обратился к известному русскому историку и писателю Н. М. Карамзину, но ответ был малоутешителен: Карамзин смог указать только на одного из чиновников Министерства внутренних дел⁷.

В документах и рукописях по истории университета говорится, что попечитель обратился с той же просьбой к министру просвещения, и тот предложил И. И. Чернявского⁸, который и был избран в 1805 г. на должность профессора русской словесности⁹. Никаких следов конкурса в архивах нет. Следует полагать, что Чернявский был единственным кандидатом, и потому его сочинение, присланное в университет, явилось лишь формальным реквизитом «избрания», а не материалом для сравнительной оценки претендентов. Указанное сочинение, сохранившееся в архиве¹⁰, он напечатал в том же году в «Северном вестнике»¹¹. Журнал этот находился в тесной связи с «Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств», радикальные члены которого открыто

т. 2, стр. 27,— в 1805/1806 учебном году Чернявский впервые упомянут в списке профессоров; т. 2, стр. 780,— упоминается «только что прибывший» в сентябре 1805 г. проф. Чернявский; т. 3, стр. 332,— Чернявский отмечен как получивший в 1805 г. для переезда из Казани 300 р.).

В 1812—1814 гг. он находился в Петербурге, где служил в Министерстве просвещения, не переставая числиться и профессором университета. Отъезд его был вызван нашествием Наполеона: Чернявский не захотел остаться на занятой врагом территории и вместе с двумя другими профессорами выехал в Петербург, но вернулся не сразу после разгрома наполеоновских войск, а только в середине августа 1814 года (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 567, оп. 2, № 524, л. 43-об.; ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 62, № 221, л. 130, дело «О прибытии в Санкт-Петербург профессоров Виленского университета»; *Archiwum im. Czartoryskich*, Ew. 3255, str. 189, письмо Я. Снядецкого к А. Чарторыскому от 19 августа о возвращении Чернявского).

⁶ Отдел рукописей ВГУ им. В. Капсукаса (в последующих ссылках для краткости будет обозначаться «ВГУ»). B. Zongolłowicz, *Ustrój Uniwersytetu Wileńskiego, 1792—1802*, str. 45; J. Bieliński, *Op. cit.*, t. 2, str. 22—23, 730.

⁷ ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 392, л. 1; письмо Карамзина опубликовал Я. Лебенка («Русская литература» № 2, Л., 1967, стр. 116).

⁸ ВГУ, ДС-182, *Notatki do dziejów uniwersytetu*.

⁹ ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 392, л. 2.

¹⁰ Там же, л. 4—11, «Рассуждение об основах просвещения».

¹¹ «Северный вестник», 1805, ч. 5, стр. 32—53 (название статьи то же).

провозглашали свои симпатии к Радищеву. В номере, где помещено сочинение Чернявского, была напечатана, например, и одна из глав запрещенного «Путешествия из Петербурга в Москву» под измененным названием и без имени автора¹².

Чернявский не принадлежал к кругу ведущих поэтов «Вольного общества...», не был он и среди его учредителей. В феврале 1803 года его по предложению Д. И. Языкова приняли членом-корреспондентом¹³.

О жизни Чернявского известно мало, краткие биографические очерки и справки можно найти в истории университета Ю. Белинского¹⁴, в издании «Поэты-радищевцы»¹⁵, в статье Ф. Я. Приймы¹⁶.

На основании хранящихся в архиве послужных списков, а также некоторых работ, опубликованных русскими историками (по истории Казанского университета, о масонах в Казани), можно несколько более подробно восстановить годы и факты его жизни и деятельности.

Иван Иванович Чернявский родился в 1768 году (в послужном списке, составленном в 1813 году, отмечено, что ему 45 лет)¹⁷. По данным послужного списка, происходил он из дворянской семьи, после окончания Петербургской учительской гимназии начал с 1792 года преподавать физику и математику в Главном казанском народном училище¹⁸. Точным наукам он, очевидно, предпочитал литературу: в «рописи занятий» членов «Вольного общества...» (составленной, правда, позже) Чернявский отмечен в разделе «русская литература», но его нет среди занимающихся математикой¹⁹. Увлекался он, вероятно, также масонством и входил вместе с поэтом Г. П. Каменевым, С. А. Москотильниковым и др. в какое-то малоизвестное казанское общество²⁰, не упомянутое в списках масонских лож того времени. Возможно, что Чернявский под влиянием Каменева, вступившего в петербургское «Вольное общество...» в 1802 году²¹, вошел в ряды его участников в 1803 г. В изданных «Вольным обществом...» двух первых сборниках

¹² Там же, стр. 61—67, см.; Поэты-радищевцы. Библиотека поэта, малая серия, изд. 3, Л., 1961, стр. 16 (вступительная статья Вл. Орлова).

¹³ «Поэты-радищевцы...», Л., 1935, стр. 589.

¹⁴ J. Bieliński. Op. cit., t. 2, str. 730—731; t. 2, str. 25, 40, 780, 792, 794; t. 3, str. 153, 332, 371.

¹⁵ «Поэты-радищевцы...», Л., 1935, стр. 589—590.

¹⁶ Ф. Я. Прийма. Op. cit., стр. 294.

¹⁷ ЦГИА Лит. ССР, ф. 567, оп. 2, № 401, л. 31 — об.

¹⁸ Там же, ф. 721, оп. 1, № 164, л. 1.

¹⁹ Вл. Орлов. Русские просветители 1790—1800 годов. Л., 1950, стр. 210.

²⁰ Н. И. Второв. [Воспоминания], глава IV, Масонство в Казани, «Русский Архив», 1877, ч. 2, стр. 345. М. К. Корбут. Казанский университет им. В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Казань, 1930, стр. 9. Поэты-радищевцы..., Л., 1935, стр. 589.

²¹ Вл. Орлов. Русские просветители..., стр. 184.

«Свиток муз» (1802 и 1803 г.) стихотворений Чернявского нет. В на-
меченную (но неосуществленную) книжку стихов 1804 года должны
были войти и его произведения²².

10 декабря 1804 г. Чернявский стал директором Главного казанского
народного училища (данные послужного списка), которое после закры-
тия в Казани гимназии в 1786 г.²³ являлось единственным «рассадником
образованных юношей светского звания и [...] превосходило прочие
учебные заведения по обширности преподаваемых в них предметов»²⁴.

На этой должности пробыл он недолго, т. к. уже в феврале 1805 г.
был утвержден профессором университета в Вильнюсе²⁵, куда приехал
в начале следующего учебного года, 30 августа 1805 г.²⁶

В протоколе отделения литературы и изящных искусств он назван
доктором философии („Jan Czerniawski filozofii doktor, literatury ro-
syjskiej profesor publiczny przybył do grona fakultetu za członka onego
[...]“), совет университета присудил ему эту степень 11 сентября
1805 года²⁷.

Вскоре после приезда, 15 сентября 1805 г., он выступил на публич-
ном заседании университетского совета с сообщением, как значится
в протоколе, „O mowie ludzkiej w ogólności a w szczególności o włas-
nościach języka rosyjskiego“²⁸ («О языке вообще и об особенностях
русского языка в частности»). Текст выступления сохранился в архи-
ве Анастасевича в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щед-
рина и частично опубликован в статье Ф. Я. Приймы²⁹.

Сначала Чернявский был профессором «языка и словесности рос-
сийской», но с 1814 года он значится уже и как профессор «российской
истории»³⁰.

²² Вл. Орлов. Русские просветители..., стр. 232.

²³ А. И. Артемьев. Казанские гимназии в XVIII столетии. ЖМНП, 1874,
ноябрь, стр. 3.

²⁴ Н. Булич. Из первых лет Казанского университета (1805—1819), ч. I, Казань,
1887, стр. 47.

²⁵ ЦГИА Лит. ССР, ф. 567, оп. 2, № 401, л. 32.

²⁶ Там же, ф. 721, оп. 1, № 1113, л. 2—об.

²⁷ Там же, ф. 567, оп. 2, № 401, л. 32.

²⁸ ВГУ, КС-273, стр. 18. См. также в монографии Белинского, т. 2, стр. 780.
²⁹ Ф. Я. Прийма. Цит. соч., стр. 294—295. Следует внести только ту поправку,
что поскольку Чернявский выступал не в 1803 г., а в 1805 г. это не был один из самых
ранних откликов на первое издание «Слова о полку Игореве», как пишет автор публи-
кации. Были уже отклики Шлецера (1801 г.), Карамзина (1801 г.), прозаический пере-
вод А. Ф. Малиновского (1800 г.), неполный перевод И. Серякова (1803 г.), писал о
нем Шишков (1805 г.). См. В. П. Адрианова-Перетц. Слово о полку Игореве.
Библиография изданий, переводов и исследований. М.—Л., 1940, стр. 10, 17, 19, 31.

³⁰ ЦГИА Лит. ССР, ф. 567, оп. 2, № 401, л. 32; № 449, л. 28 — об.

В 1819 г. после 12 лет работы в Главном казанском народном училище и 14 лет (с перерывом в 1812—1814 гг.) в университете, Чернявский начал хлопоты о пенсии. В ноябре пенсионный документ был уже переслан из Петербурга в университет³¹, но еще в марте 1820 г. ректор Малевский не мог сообщить попечителю учебного округа, когда Чернявский, ходатайствовавший об увеличении пенсии, оставит кафедру³².

1 апреля 1820 г. Чернявский подал заявление, что в следующем году не будет преподавать, и для проведения конкурса составил программу, напечатанную в периодических изданиях³³. К лекциям в 1820/1821 учебном году он уже не приступил, и кафедра оставалась вакантной (временно занятия вел учитель гимназии Петр Островский) до избрания на нее И. Н. Лобойко в октябре 1821 г.

Стихотворные произведения Чернявского печатались в «Северном вестнике» (1805, ч. 5, стр. 205—206 «Кантат»; там же, стр. 206—210, «Семейственная прогулка»), в «Любителе словесности» (1806, «Гроза»), в «Цветнике» (1809, ч. 3)³⁴. В 1935 г. три его стихотворения были помещены в сборнике «Поэты-радищевцы...»³⁵.

Точная дата смерти Чернявского неизвестна, но в 1822 г. его уже не было в живых (в университет обращалась с просьбой его вдова³⁶). Один из сыновей Чернявского, Родион, 1802 г. рождения, учился в университете одновременно с филоматами и даже был известен в их кругах.

Сохранившиеся документы о деятельности Чернявского можно поделить на две группы: а — послужные списки, заявления, упоминания о нем в связи с его прошениями, отрывки в протоколах заседаний отделения словесности и изящих искусств и т. п.³⁷, б — тексты

³¹ Там же, ф. 721, оп. 1, № 164, л. 1—об.; „O pensji emerytalnej profesora Czerniawskiego“.

³² Archiwum im. Czartoryskich, Ew. 3172, str. 501.

³³ ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 46, л. 9.

³⁴ «Поэты-радищевцы...», Л., 1935, стр. 819, 820.

³⁵ Там же, стр. 593—600. («Семейственная прогулка», «Ошибка», «Горациева ода»).

³⁶ ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 691, «О вдове проф. Чернявского».

³⁷ ВГУ, КС-177 (о поручении лекций истории), КС-112 (о поручении ему лекций русской статистики), КС-21 (о возведении в чин надворного советника).

ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 62, № 221 (о прибытии в 1812 г. в Петербург).

ЦГИА Лит. ССР, ф. 567, оп. 2, № 401 (послужной список), № 449 (о введении курса истории Российской империи), № 524 (послужной список), № 567 (послужной список, утверждение в звании заслуженного профессора — 1819 г.).

ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 3 (об избрании на должность профессора русской словесности), № 1113 (отрывки из протокола о прибытии в Вильно), № 45 (о выходе на пенсию), № 67 (о выходе в отставку), № 46 (о выходе на пенсию и о составлении конкурсной программы), № 164 (о размерах пенсии, ходатайство о чине статского советника).

его программ, работ, рецензий, списки экзаменационных вопросов³⁸.

Archiwum im. Czartoryskich, Ew. 3069, str. 65, 621, 857 (о представлении к чину надворного советника, жалоба на плохую квартиру, вопрос о пребывании в Петербурге в 1813 г.), Ew. 3255 (стр. 189, вопрос о пребывании в Петербурге), Ew. 3172 (стр. 479, 487, 501, 532, вопрос о выходе на пенсию).

³⁸ а) Документы, содержащие только упоминания о работах:

1. ВГУ, КС-237 (отчет университета за 1805 г.), КС-208 (протоколы заседаний совета университета) — о чтении Чернявским работы «О языке вообще и свойствах русского языка в частности» (работу частично опубликовал Ф. Я. Прийма).

2. ВГУ, КС-176 (протоколы совета за 1809 г.) — Чернявский оценивает знания учителя русского языка П. Витковского и допускает его к преподаванию в Мозырской школе.

3. ВГУ, ДС-182 (протоколы совета за 1809 г.) — Чернявский на публичном заседании совета университета произнес речь о заключении мира со Швецией (о том же: КС-232, КС-244, ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 62, № 125).

4. ВГУ, КС-238 (о чтении Чернявским работы «О веротерпимости издавна в России соблюдающейся», 1815 г. О том же: ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 1113).

5. ВГУ, ДС-182, КС-184 (Чернявский читает сочинение) „O stanie nauk i sztuk wyzwolonych w Rosji w wieku X, XI, XII i połowie XIII“).

6. ВГУ, КС-185 (Чернявский пишет отзыв о преподавании русского языка в Ковенском и Молодеченском училищах, 1817 г.).

7. ВГУ, КС-377 (университет поручает Чернявскому поиски в Петербурге «древних российских манускриптов», 1819 г.).

б) Документы, содержащие работы, отзывы о деятельности Чернявского, программы, рецензии, экзаменационные вопросы.

1. Сочинение Чернявского «Рассуждение об основаниях просвещения» (ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 392).

2. Сочинение «О пользе слова вообще и о свойствах русского языка» (Архив Анастасевича в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, публикация Ф. Я. Примы).

3. Экзаменационные вопросы, которые задавал студентам Чернявский, темы экзаменационных сочинений (ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 1112—1114; ВГУ, КС-189, стр. 275; КС-187; ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 14, № 1118).

4. Программа: «Предназначение курса русского языка и словесности» (2 варианта: 1) Отдел рукописей библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 918, IV, II; 2) Archiwum im. Czartoryskich, 15476, I. 366—367).

5. Проспекты лекций (ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 62, № 435; ВГУ, КС-246, КС-12).

6. Указания Чернявского к преподаванию русского языка в школах (ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 16, л. 41).

7. Отзыв Лавалея о Чернявском как профессоре (ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 62, № 434, л. 4).

✓ 8. Конкурсная программа, составленная Чернявским (ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 1121, л. 70).

9. Рецензия на французском языке на грамматику Бутовского (1806 г., ВГУ, КС-611, л. 65-65-об).

10. Сведения об оценке грамматики Бутовича (1806 г. „Objaśnienie poprzednicze o fundamentach gramatyki rosyjskiej“.

ЦГИА Лит. ССР, оп. 1, № 1112, л. 56-об. 57; № 1113, л. 5).

11. Рецензия на грамматику Абрагамовича (1813 г., ЦГИАЛ, ф. 732, оп. 1, № 139) О работах № 1, 4, 5 раздела «а» упоминает также Ю. Белинский (J. B i e l i ŋ s k i, Op. cit., t. 2, str. 780, 792, 794).

Документы о жизни использованы нами в биографическом вступлении, обратимся теперь к документам о педагогической деятельности.

Университетские протоколы не дают основания говорить о большой научной активности Чернявского: за 12 лет он всего дважды выступил с рефератами, имевшими отношение к русской словесности (см. сноску 38, «а», № 1, 5). Остальные его выступления — торжественные речи на публичных заседаниях совета.

Отзывы о преподавателях, рецензии на учебники так лаконичны и настолько лишены филологического содержания, что тоже очень мало могут способствовать выяснению его взглядов как преподавателя. Так, например, в рецензии на учебник Бутовского он указал только, что: 1) автор должен был придерживаться грамматики Российской академии, 2) автор нарушает в ряде случаев правила русского языка, 3) учебник не только краток, но поверхностен, 4) положительной его чертой являются сопоставления русского и польского языков (см. сноску 38, «б», 9); в рецензии на грамматику Абрагамовича он критикует в основном ее многословие, деление глаголов на 4 спряжения, полонизмы языка (сноска 38, «б», 11).

Проспекты лекций говорят прежде всего о последовательности расположения материала и вкратце — о затрагиваемых темах. Сравнение проспектов лекций за разные годы может привести только к некоторым выводам: 1) в начале своей деятельности в теоретических вопросах литературы он следовал труду Эшенбурга³⁹, переведенному им на русский язык, 2) в последующие годы у него уже были собственные конспекты лекций, 3) интересовали его прежде всего вопросы истории культуры России, 4) практические занятия русской литературой он понимал как чтение и комментирование текстов писателей, 5) последнее место он отводил занятиям грамматикой, которые трактовал как чисто утилитарные („ćwiczenia uczniów dla łatwiejszego nabycia języka rosyjskiego“⁴⁰), 6) количество часов, отводимых на русскую литературу и язык колебалось от 8 (из них 2 часа занятий грамматикой) до 6 часов в неделю. В программе на 1819/1820 год — последний год его деятельности в университете — в качестве первого пункта значится «начало,

³⁹ J. J. Eschenburg (1743—1820). „Entwurf einer Theorie und Litteratur der schönen Wissenschaften“. Чернявский не одинок в своем следовании Эшенбургу: в начале XIX века Эшенбург, Баттё, Лагарп были общепризнанными авторитетами. Так, например, проф. Московского университета А. Ф. Мерзляков только в 20-е годы начнет этих авторов критически переоценивать (см. «История русской критики», т. I, М.—Л., 1958, стр. 14).

⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 62, № 435, л. 8-об.

виды и прогресс наук и искусств в России»⁴¹. Это характерно для Чернявского, сына XVIII века, т. к., когда он учился и начинал свою деятельность, художественная литература в школе не изучалась, основным направлением обучения было «учить сочинять» (изучение правил «красноречия» и «пиитики») ⁴². Широкие круги просветительской общественности в этот начальный период развития русской литературной историографии изучение литературы понимали как ознакомление с историей русской образованности ⁴³. Естественно поэтому, что Чернявский рассматривал в первую очередь вопросы истории культуры. Он до конца своей профессорской деятельности следовал традициям XVIII века, хотя уже в начале XIX века появились труды, авторы которых пытались объединить «историю просвещения» с «историей стихотворства» в новую синтетическую «историю российской словесности» (например, И. М. Борн в своем «Кратком руководстве к российской словесности») ⁴⁴. Как увидим далее, в списке авторов Чернявский перечисляет преимущественно писателей XVIII века и нигде не ссылается на новые учебники русской литературы.

В программе указывалось, что после выяснения особенностей различных поэтических и прозаических жанров для иллюстрации каждого из них будет делаться разбор образцовых произведений русских писателей. Это также полностью совпадает и с тенденциями, проявившимися в русской критике XVIII века, и с характером историко-литературных работ того времени ⁴⁵.

Сочинение Чернявского «Рассуждение об основах просвещения» (1805 г., сноска 38, «б», 1) дает прежде всего представление о стиле автора. Писал он его, явно стремясь достичь красочности языка, сложности построения предложений и периодов, словом, заботясь о соблю-

⁴¹ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 62, № 435, л. 9.

⁴² Я. А. Роткович. Очерки по истории преподавания литературы в русской школе. Известия Академии педагогических наук РСФСР, выпуск 50, 1963, стр. 31, 98.

⁴³ П. Н. Берков. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Л., 1964, стр. 12.

⁴⁴ Там же, стр. 38.

⁴⁵ Как отметил еще В. Белинский, критика XVIII века состояла «[...] в разборе частных достоинств и недостатков сочинения, из которого обыкновенно выписывались лучшие и худшие места [...]» («История русской критики», т. I, М.—Л., 1958, стр. 14); изложение материала по логически расквалифицированным жанрам и родам также было характерной чертой критиков не только XVIII, но и начала XIX века, так поступал, например, проф. Харьковского университета И. Рижский, издавший в 1811 г. свое пособие (там же, стр. 162).

дении правил ораторского искусства. Это не было научным исследованием в подтверждение квалификаций для занятия профессорской кафедры, а скорее риторическим упражнением, которому свойствен умеренный либерализм, деизм, дидактизм, славословия в честь Александра I.

Гораздо больше данных о Чернявском, как преподавателе, сообщает составленная им программа конкурса (сноска 38, «б», 8), в которой он требует от будущего профессора прежде всего умения давать эстетическую оценку произведений русских писателей. Далее — знания истории русской литературы (понимаемой им как сумма хронологически последовательных сведений о писателях: „Rys historii dobrych pisarzy rosyjskich“). Затем он требует умения обозреть историю литературы по жанрам с объяснением их эволюции и совершенствования. Он высказывает пожелание, чтобы претендент на кафедру сам обладал склонностью к литературному творчеству, а также был знаком с правилами перевода произведений с иностранного языка на отечественный.

«Предначертение курса российского языка и словесности» (сноска 38, «б», 4) написано в 1810 г., т. е. после пяти лет университетского преподавания. С одной стороны, оно свидетельствует о тех изменениях, которые хотел бы ввести Чернявский в программу, с другой стороны, отражает уже установившуюся в его занятиях иерархию тем (с преобладанием исторических). Чернявский желал бы уменьшить число часов на словесность с 6 до 3, но отвести дополнительно 3 часа на историю, 3 — на статистику, 1 — на географию. Поскольку русская грамматика изучается в гимназиях, он предлагает в университете вовсе от нее отказаться, оставив для преподавания по словесности лишь: 1) «ход наук и художеств в России» и 2) «словесность». (Между двумя сохранившимися рукописями «Предначертения» существуют некоторые расхождения: московская — более ранняя, относящаяся к апрелю 1810 г. — еще не требует исключить из программы грамматику, нет в ней также требования об отведении часов на историю, статистику, географию за счет сокращения занятий литературой; краковская рукопись — май 1810 г. — в этом смысле более радикальна. Согласно «Предначертанию», основное внимание должно быть обращено на историю культуры России, начиная с IX века. Очень показательным является список литературы: писатели оказались в нем на последнем месте (№ 26—31), причем отдельно названы только Кантемир, Державин, Николаев, Майков и Костров, для знакомства с остальными предлагается «Опыт

исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова. Истории отведено 13 библиографических единиц, географии — 4, естественной истории, физиологии, ботанике — 3, словарям — 3, искусству — 1.

Более пристальное рассмотрение приводимых им авторов и трудов опять-таки свидетельствует о том, что материалы свои Чернявский черпал прежде всего из источников XVIII века.

Приводя источники и труды по истории России, начальную русскую летопись «Повесть временных лет» Чернявский берет по открытому Петром I Кенигсбергскому списку из I-го тома «Библиотеки российской исторической...» (1767 г.), указывая одновременно и на последующие тома библиотеки, содержащие иные источники.

Сводную (с добавлениями из былин) Никоновскую летопись — в восьмитомном издании конца XVIII века (СПб, 1767—1792) ⁴⁶.

Летопись по Воскресенскому списку — по петербургскому изданию 1793—1794.

Летопись по Софийскому списку — по петербургскому изданию 1795 г.

Открытую В. Н. Татищевым «Русскую правду» — по изданию А. Шлецера 1767 г. и по последнему известному ему изданию (в «Предначертании» сказано: «...«Русская правда» первого и последнего изданий»), вероятно, это был «Указатель российских законов» Л. Максимова (1803), в котором повторено издание И. Н. Болтина, основанное на нескольких списках ⁴⁷, но, может быть, и 2-е издание Болтина 1799 г. Тот факт, что Чернявский использует издание, основанное на сопоставлении нескольких списков, а также, возможно, комментарии Болтина, свидетельствует о хорошем знакомстве с литературой предмета.

В списке книг Чернявский приводит и труд первого издателя большого собрания древних грамот и договоров Н. И. Новикова «Древняя российская вивлиофика» (1-е изд. 1773—1775, 2-е изд. 1788—1791), не указывая, правда, какие именно из документов этих десяти- и двадцатитомных изданий им используются.

⁴⁶ Очерк истории исторической науки в СССР, ред. М. П. Гихомиров, т. I, М., 1955, стр. 220.

⁴⁷ С. Н. Валк. «Русская правда» в изданиях и изучениях XVIII — начала XIX века. Археографический ежегодник за 1958 год, М., 1960, стр. 149.

Среди историков, названных Чернявским, упомянуты прежде всего два имени: М. М. Щербатов и И. Н. Болтин. Поскольку записи его лекций отсутствуют, на основании одного «Предначертания» очень трудно судить об историографической концепции Чернявского; склонялся ли он более к точке зрения апологета дворянских свобод Щербатова или — его оппонента, сторонника сильной царской власти, Болтина (в обоих случаях, конечно, отвергая Леклерка). Известное нам конкурсное сочинение 1805 года характеризует Чернявского как приверженца просвещенной монархии. С большой долей правдоподобия поэтому можно предположить, что историографические построения Болтина, которые выявились в полемике и с Леклерком, и со Щербатовым, более близки Чернявскому. Показательно, что «Истории Российской от древнейших времен» Щербатова (7 томов, СПб, 1770—1791) в списке нет, значатся только письмо Щербатова, ответ Болтина Щербатову, примечания Болтина на историю Леклерка⁴⁸.

Поскольку Болтин как на авторитет ссылается на историю В. Н. Татищева, к списку источников исторических знаний Чернявского следует прибавить и его «Историю Российскую» (вероятно, в той мере, в какой ею пользуется Болтин).

Кратко перечислив полемически подчеркнутые суждения Болтина по истории России, мы тем самым выявим и вероятное основное направление лекций Чернявского.

В своих «Примечаниях на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка»⁴⁹ (т. 1—2, СПб, 1788—1794 гг.) И. Н. Болтин, возражая «клеветнику и болтуну», указывал на относительно высокий культурный уровень славян в IX—XI веках⁵⁰; защищая против Леклерка «правду и отечество», писал, что варяги не были просвещеннее русских⁵¹. Согласно Болтину, Рюрик привел с собой только некоторое число вельмож и небольшое войско. Русские славяне не были кочевниками, как говорит Щербатов, дорюриков быт характеризовало уже наличие городов, торговли, мореплавания, земледелия⁵². Современные историогра-

⁴⁸ И. Болтин. Ответ на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории. СПб, 1789. Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том истории князя Щербатова. СПб, 1793.

⁴⁹ Le Clerc (1726—1798). Histoire de la Russie ancienne et moderne. П., 1783—1794.

⁵⁰ А. Т. Николаева. Вопросы источниковедения и археографии в трудах И. Н. Болтина. Археографический ежегодник за 1958 г., М., 1960, стр. 164.

⁵¹ Очерки истории исторической науки в СССР. Указ изд., стр. 211.

⁵² С. Н. Валк. Цит. соч., стр. 146—147.

фы называют Болтина рационалистом и типичным представителем дворянского просвещения XVI века⁵³. Так же должны мы определить и позицию Чернявского, излагавшего взгляды Болтина. В «Вольном обществе...» он, несомненно, должен был примыкать к его умеренному крылу. С его членами Чернявского объединяло стремление к утверждению идеи национальной самобытности русской культуры⁵⁴, разделял он и их иллюзии относительно либерализма Александра I⁵⁵.

Кроме работ Болтина и Щербатова, приводятся также: а) Сибирская история Фишера⁵⁶, б) История скифская г-на Лызлова⁵⁷, в) Историческое описание российской торговли г-на Шторха⁵⁸.

По географии и статистике он включает труды Зябловского, Лепёхина, атлас Российской империи 1802 г., географический словарь⁵⁹.

По истории культуры — приводит труд П. П. Чекалевского «Рассуждение о свободных художествах с описанием некоторых произведений российских художников» (СПб, 1793)⁶⁰.

Чернявский считал необходимым привлечь также сведения из естественной истории, из ботаники, из анатомии (упоминает известного в XVIII веке врача Амбодика, автора «Анатомо-физиологического словаря», СПб, 1783).

⁵³ Очерки истории исторической науки..., стр. 210.

⁵⁴ Вл. Орлов. Цит. соч., стр. 332.

⁵⁵ «Поэты-радищевцы...» Малая серия Библиотеки поэта. Л., 1961, стр. 20.

⁵⁶ „Sibirische Geschichte“, t. I, СПб, 1768.

⁵⁷ А. И. Лызлов. «Скифская история». М., 1787 (Лызлов, подразумевая под скифами татаро-монгол и турок, описывал историю борьбы с татарско-турецкими завоевателями, призывал к объединению славян для борьбы с Турцией. См. География истории СССР, М., 1961, стр. 66).

⁵⁸ А. К. Шторх (1766—1835), экономист, резко осуждавший крепостное право. Какую работу Шторха Чернявский имеет в виду, неизвестно. Возможно, „Statistische Uebersicht der Statthalterschaften des russischen Reichs...“ Рига, 1795 или „Historisch-statistische Gamälde des russischen Reichs“, Рига, 1797—1803.

⁵⁹ Е. Ф. Зябловский. «Краткое землеописание Российского государства в нынешнем его состоянии» (Чернявскому могло быть известно одно из трех или все три издания: СПб, 1787, 1807, 1810); «Новейшее землеописание Российской империи», ч. I, СПб, 1807. И. И. Лепёхин. «Дневные записки путешествия». СПб. 1771. Вероятно, Чернявский имеет в виду географический словарь Л. Максимовича издания 1789 г. (или переиздание его совместно со Щекатовым в 1809 г.).

⁶⁰ Чекалевский считал искусство средством умственного и нравственного образования общества, под влиянием искусства, по его мысли, человек может полюбить красоту и добро, истину и добродетель (см. История русской критики, М.—Л., т. I. 1958, стр. 79).

Список писателей в разделе о русской словесности «Предначерта-ния» очень краток. (Дословно: «Сатиры князя Кантемира, сочинения г-на Державина, последнего издания, творения г-на [Н. П.] Николаева, сочинения Майкова, полное собрание сочинений г-на Кострова»). Поскольку приводится также «Опыт словаря» Новикова и его же «Древняя вивлиофика», следует предположить, что, возможно, в общем обзоре в какой-то степени была затронута деятельность некоторых из писателей, включенных в словарь, а также отдельные произведения, помещенные в «Вивлиофике» (например, комедии Симеона Полоцкого).

Для «Опыта словаря» Новикова, как указывает П. Н. Берков⁶¹, характерны демократические тенденции в подборе канонических имен писателей. Чернявский, руководствуясь словарем, принимал тем самым до известной степени и этот принцип отбора.

Показательно, что именно Кантемира, врага реакционеров и защитника просвещения, Чернявский поместил в своем списке первым, причем отдельно отмеченными оказались «Сатиры» (наверное, имелось в виду издание 1762 года с биографической статьей И. С. Баркова).

Вполне в духе эстетических взглядов членов «Вольного общества...», отстаивавших принципы классицизма и видевших в нем основу для развития гражданского искусства⁶², Чернявский включил произведения Г. Р. Державина.

Характерно также включение близкого к Н. И. Новикову и его сатирическому журналу «Труть» поэта В. И. Майкова (1728—1778), писавшего на темы большого общественного значения, автора «Нравоучительных басен» (1766—1767)⁶³.

Выделен и переводчик Вольтера и Апулея Е. И. Костров, сочинения которого вышли в двух частях в начале XIX века (СПб, 1802).

Обойден молчанием Карамзин, здесь, вероятно, сказалось характерное для «Вольного общества...» отрицательное отношение к его языковой реформе⁶⁴.

Если следовать П. Н. Беркову в делении писателей начала XIX века на тех, кто придавал большее значение сатирическому и реалисти-

⁶¹ П. Н. Берков. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века, Л., 1964, стр. 27.

⁶² История русской критики..., стр. 161.

⁶³ См. «Поэты XVIII века», Библиотека поэта, малая серия, Л., 1958, стр. 8.

⁶⁴ Вл. Орлов. Цит. соч., стр. 330—331.

ческому направлению в литературе XVIII века, и тех, кто предпочитал Богдановича, Хераскова, Державина, Ломоносова⁶⁵, то Чернявский, выделивший особо Кантемира, Майкова, Кострова, скорее относится к первой группе.

Больше всего, однако, о преподавательской деятельности Чернявского рассказывают протоколы заседаний отделения словесности, включающие перечень вопросов, задававшихся им во время магистерских и кандидатских экзаменов. Ответы на эти вопросы нигде не сохранились. Поэтому можно судить скорее о проблематике его лекций, чем о их фактическом, конкретном содержании.

В протоколах отражены вопросы 1805—1820 гг. (последние записи сделаны в июне 1820 г.), но большая часть их относится ко второй половине деятельности Чернявского в университете. Поэтому они будут рассмотрены ниже не по годам (эволюции взглядов профессора документы не регистрируют), а по тематическим группам. Протоколы хранятся в ЦГИА Лит. ССР (см. сноску 38, «II», 3).

Сохранились только две темы письменных сочинений, предложенных Чернявским: 1. «Когда возник в России театр и кто начал писать драматические произведения»⁶⁶. 2. «Краткое начертание изменения слога словенорусского от Нестора до наших времен»⁶⁷.

Экзаменационные вопросы Чернявского можно разделить на 5 групп: 1) вопросы по истории литературы, 2) вопросы по истории просвещения и культуры, 3) вопросы по истории России, 4) вопросы по старославянскому языку, 5) вопросы по грамматике.

Вопросы по литературе

В протоколах находим только одну формулировку теоретического вопроса о версификации. От отвечающего требуется выяснить историю возникновения русского силлабического стиха („Od jakiej wersyfikacji czyli wierszowania ona zależała“)⁶⁸, объяснить принципы построения тонических стихов, метрических, гекзаметра. Вероятно, здесь сказалось увлечение членов «Вольного общества...» вопросами стихо-

⁶⁵ П. Н. Берков. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Л., 1964, стр. 33.

⁶⁶ ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 1114, л. 18; № 118, л. 22; № 14, л. 32.

⁶⁷ Там же, № 1113, л. 80.

⁶⁸ В протоколах некоторые вопросы записаны по-русски, некоторые же по-польски. Последние даются в русском переводе.

сложения, интерес их к теории стихотворных размеров, восходящий еще к разработкам «русского народного склада» Радищевым. Поэт Г. Каменев, казанский друг Чернявского, пробовал «русский народный склад», А. Востоков развивал теорию гекзаметра как размера, наиболее соответствующего эпическим жанрам. Вопрос гекзаметра широко обсуждался в 1810 г.⁶⁹

10 вопросов касаются истории литературы, часть из них общие, часть — относится к конкретным лицам.

1) Где начало оной [литературы российской] искать должно?

2) Начало российской словесности до Ярослава.

3) Важнейшие эпохи изменения русского слога, объяснить причины, имевшие влияние на таковые изменения, показать, когда, как и почему изменился наружный вид русской поэзии.

4) Что есть история литературы. На какие периоды можно поделить историю русской литературы от ее возникновения до нашествия татар.

5) Древнейшие русские памятники литературы.

6) Памятники словесности XI и XII.

7) Переводная литература XIII века.

8) Русская поэзия в XVII веке.

9) Нестор, Сильвестр, Песнь о полку Игореве.

10) Симеон Полоцкий.

Уже первое ознакомление с вопросами свидетельствует, что неправы были исследователи, считавшие, что Чернявский в своих лекциях касался только древнерусской литературы⁷⁰ (см. вопросы 3, 8, 10). Если же припомнить «Предначертание» и имена Е. И. Кострова, В. И. Майкова, Н. П. Николаева в нем, а также «Опыт словаря» Новикова, то мы должны признать, что литература XVIII века также изучалась.

Второй вопрос показывает, что он начинал свои лекции по литературе с эпохи до Ярослава Мудрого, т. е. с X века, со времени появления первых русских и переводных произведений. Возможно, это было связано с интересом членов «Вольного общества...» к былинному стиху, к образу древнего Бояна, а также с изданием в 1804 году былин так называемого Владимиров цикла.

Девятый вопрос говорит о том, что Чернявский не колебался в отношении «Слова о полку Игореве» к XII веку, хотя среди его современников не было единого взгляда на этот вопрос: Евг. Болховитинов, например, считал «Слово» памятником XVI века, Н. П. Румянцев — под-

⁶⁹ Вл. Орлов. Цит. соч., стр. 418—421.

⁷⁰ H. Batowski. Mickiewicz a Słowianie do roku 1840, Lwów, 1936, str. 33.

делкой XVIII в., в 1812 г. Т. Каченовский выразил сомнение в его подлинности⁷¹.

Среди 10 вопросов только один — седьмой — можно отнести к переводной христианской византийской литературе.

Вопросы по истории просвещения и культуры

- 1) Древнейшие памятники архитектуры, резьбы, живописи, мозаики.
- 2) Характер русского танца, каким изменениям подвергался с развитием общества. Сохранились ли в русском танце следы народных обычаев. Какие танцы заимствованы от иностранцев.
- 3) Откуда была приглашена труппа драматических актеров. Когда начался регулярный театр в России. Характер произведений Сумарокова и других более поздних драматургов. (Вариант вопроса: О драматическом искусстве в России, его начале, писателях, послуживших делу обогащения и роста драматической литературы.)
- 4) Какие существуют правила русского театра. Заимствованы ли эти правила или объясняются характером русской поэзии.
- 5) Какие познания и искусства известны были в России в IX веке.
- 6) Какие науки и искусства были известны при Рюрике и после него. Города в то время (Новгород, Киев, Смоленск, Муром, Ростов и другие).
- 7) Какие познания и искусства известны были в России в X веке.
- 8) Где, кем и когда устроены были училища в России и чему в них учили. (Вариант вопроса: Кто склонил Владимира к основанию школ.)
- 9) Направление ученых за границу (по-польски: „w celu sprostżeń“) в эпоху Владимира.
- 10) Изящные искусства в России в XI веке. Остались ли памятники.
- 11) Библиотеки в XI веке.
- 12) Какие языки изучались в школах в XI и XII веке.
- 13) Уровень просвещения в России в XIII веке. (Вариант вопроса: Развитие наук в XIII—XIV веках и позже.)
- 14) Уровень науки в XIV веке.
- 15) Уровень науки в XV, XVI, XVII веках.
- 16) Наука в эпоху Петра I.

⁷¹ Д. С. Лихачёв. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности. «Слово о полку Игореве» — памятник XII века, М.—Л., 1962, стр. 21.

17) Что особенно споспешествовало в конце X века распространению познаний и художеств в России. (Вариант вопроса: Следствия введения христианского вероисповедания.)

18) О литургии св. Яна, Василия и Григория.

19) Начало русской музыки, следы древней русской музыки в Киеве. Когда заимствована была итальянская музыка.

Как видно из приведенных выше вопросов, Чернявский прежде всего подчеркивал древность и самобытность русской культуры (см. вопросы 2, 4, 5, 6, 7, 19), он не связывал появления культуры с принятием христианства, которое считал лишь фактором, способствовавшим ее развитию (см. вопрос 17).

Обращает на себя внимание разнообразие тематики вопросов: театр, музыка, архитектура, живопись, школы и т. д.

Источником сведений для Чернявского, вероятно, был прежде всего И. Н. Болтин, а через его посредство и В. Н. Татищев. У Болтина он черпал данные о зодчестве, живописи, скульптуре, о прикладном искусстве Киевской Руси, о художественном ремесле, орнаментике IX—XI веков.

Хронологически вопросы охватывают время до эпохи Петра I включительно (см. вопрос 16), значит в какой-то мере он мог говорить и о культуре времен феодальной раздробленности (искусство Владимирско-Суздальской Руси, Новгорода, Западно-русских княжеств и др.), и об искусстве Российского централизованного государства XV—XVI веков.

Вопросы 2-й, 4-й, 19-й наводят на мысль, что Чернявский для своих лекций должен был пользоваться специальной литературой по истории театра, музыки, танца. Ответ на это предположение требует специальных историографических исследований о том, на каком уровне находилось изучение этих дисциплин в начале XIX века⁷². Попытаемся поэтому только очень кратко восстановить предположительный перечень тем, которые, вероятно, нашли свое отражение в его лекциях прежде всего о древнейшем периоде. По-видимому, он говорил о свидетельстве летописца (988) о городах при Владимире I, об открытии первых школ

⁷² Можно привести только некоторые фрагментарные сведения: в XVIII веке зародился и развивался интерес к народной музыке, в 1804 г. вышел сборник русских былин и песен Кириши Данилова, в 1700—73 гг. в СПб., М. Д. Чулков издает «Собрание разных песен», затем «Русские сказки» (М., 1780—1783) и «Словарь русских суеверий» (СПб., 1782), развиваются археологические, этнографические, палеографические исследования, и все это в какой-то степени могло быть источником фактов для Чернявского. (См. Очерки истории исторической науки, цит. соч., стр. 539—540.)

в Киеве, о строительстве в Киеве при Ярославе I, о Золотых воротах, о постройке новой соборной церкви Софии и организации при ней библиотеки, о начале русской переводческой деятельности и библиотечного дела, о новгородской школе при Ярославе, о народных драмах и пантомимах, о скоморохах, о школьных театрах XVII—XVIII веков, о «комедияльной хранилище» в Москве при Петре I, о песнях Киевской Руси, о древнерусском церковном пении и т. д. и т. п.

Вопросы по истории России

- 1) Кто полагается древнейшим российским историком.
- 2) Письменная история Российская в котором времени началась.
- 3) Об историке Несторе.
- 4) Какой другой знаменитый историк был в XII веке.
- 5) Что такое франконские летописи.
- 6) Где должно искать начало истории России.
- 7) О приходе славян из-за Дуная.
- 8) Причины нападения татар и упадок науки в России.
- 9) Какие первоначально народы составляли Россию, которые из них и почему называются варяго-русами.
- 10) Кто первый ввел вредное раздробление государства в России.
- 11) Какие известные деятели были приглашены из Греции.

Для некоторой ориентации в возможных источниках лекций Чернявского обратимся к «Предначертанию», а также к данным регистрации читателей университетской библиотеки⁷³. «Предначертание» писалось в 1810 г., и там в качестве главного источника исторических сведений фигурирует Болтин. По книге регистрации читателей можно прибавить еще и «Историю» Карамзина. Так в 1815 году он взял сочинения Карамзина и вернул их только через 2 года в 1817 г.⁷⁴ В том же году он взял вышедшие и, вероятно, полученные уже в университете 3 тома⁷⁵ «Опыта российской библиографии» Сопикова, содержащие, как известно, также аннотации и выписки из отдельных авторов, и держал до 1816 года⁷⁶. В 1816 году взял «Российскую историю» Щербато-

⁷³ Библиотека АН Лит. ССР, отдел рукописей, F-9, № 111, Dziennik pożyczania xiąg z Biblioteki Uniwersytetu Wileńskiego“.

⁷⁴ Там же, л. 16.

⁷⁵ В книге регистрации не помечено, сколько томов он взял. 3-й том Сопикова вышел в 1815 г.

⁷⁶ Книга регистрации, № 111, л. 19-об.

ва и вернул в 1817 году⁷⁷. В 1817 г.— «Полное известие о старовеерах» А. Иванова, «Древнюю российскую вивлиофику» Н. И. Новикова (вернул в 1818 г.⁷⁸). В 1818 г.— снова Сопикова (возвращает в июне 1819 г.)⁷⁹. В начале 1819/20 уч. года за ним опять зарегистрирован труд Сопикова⁸⁰, который стал, по-видимому, его настольной книгой.

Можно критически и осторожно подходить к воспоминаниям митрополита Иосифа, но в данном случае его свидетельство, вероятно, правдиво отражает и объем знаний Чернявского, и его метод как лектора. Семашко пишет: «Добрый Чернявский был настоящая ходячая библиотека разнообразнейших сведений о России. Он едва, бывало, занимается с нами жиденькими своими записками о русской словесности, но любил старик ходить весь урок по классу и рассказывать нам анекдотически, без всякого порядка, но занимательно, с чувством и душою всё, что ему приходило на мысль о России, её истории, о её героях, о её быте народном. Много бы нужно сочинений, чтобы узнать то, что узнал я тогда от него»⁸¹.

Сведения, почерпнутые из «Предначертания», из книги регистрации читателей, из воспоминаний Семашко, а также из публикации Ф. Я. Приймы, в сопоставлении с анализом историографических воззрений Болтина и Татищева, который находим в трудах современных историков, позволяют пролить некоторый свет на конкретное содержание лекций Чернявского в их исторической части. Так, он говорил прежде всего о русском летописании и древнейшем периоде истории России: о Несторе; об авторе переработанной редакции «Повести временных лет» Сильвестре (с 1814 г. ему могла быть доступна Лаврентьевская летопись в издании Р. Тимковского); об известных к тому времени летописях (см. выше анализ «Предначертания»). Можно отметить совпадение разделов в «Истории» Татищева и последовательность материалов в опубликованной Ф. Я. Приимой части речи Чернявского (Татищев: «О истории Иоакима [...] о Несторе [...] о последовавших Нестору летописателях [...]»⁸²). По-видимому, следуя за Болтиным, по 7-му и 9-му вопросам он сообщал, что славяне уже

⁷⁷ Книга регистрации, № 111, л. 21.

⁷⁸ Там же, л. 32.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же, л. 50-об.

⁸¹ Записки Иосифа митрополита Литовского, т. I, СПб., 1883, стр. 17 (Семашко начал слушать Чернявского в 1816 г.).

⁸² В. Н. Татищев. «История Российская», т. I, М.—Л., 1962.

в древности были известны под именами венедов, генатов, даков⁸³, что пришельцы славяне покорили сармат, а руссы в отношении языка стали славянами, утратив свой сарматский язык; что русские славяне не были варварами, и дорюриков быт характеризовался относительно высокой культурой, что варяги — только очень немногочисленная прослойка вельмож и войск, пришедших с Рюриком⁸⁴.

При освещении 10-го вопроса он, вероятно, вслед за Болтиным оценивал эпоху феодальной раздробленности как время утраты территориального единства, нарушения политических основ общественного устройства, ибо централизованная монархия казалась и Болтину, и Чернявскому самой «предпочтительной» системой (историкам XVIII века переносившим в прошлое свои современные понятия⁸⁵, Киевская Русь представлялась тоже как самодержавная).

В библиотеке университета, кроме упомянутых сочинений, Чернявский брал еще в 1816 г. «Нестора» А. Шлецера⁸⁶, летопись по Никоновскому списку⁸⁷, 1817 г. указатель законов Л. Максимовича, заключающий «Русскую правду»⁸⁸, в 1820 г. примечания к Леклерку Болтина и два тома сочинений Леклерка⁸⁹.

Вопросы по грамматике

- 1) О сходстве славянского синтаксиса с греческим.
- 2) Что доказывает, что русская грамматика составлена по образцу греческой. (Вариант вопроса: Какие существуют доказательства, что русская грамматика составлена была по образцу греческой.)
- 3) Сколько склонений в русском языке.
- 4) Каким образом познаются роды имен в русском языке. Вычислить окончания, означающие тот или иной род, не предполагаются ли исключения.
- 5) Что европейцы называют славянскими буквами. О буквах глаголических.

⁸³ Очерки истории исторической науки. Цит. соч., т. I, стр. 211.

⁸⁴ С. Н. Валк. Цит. соч., стр. 146—147.

⁸⁵ Ю. М. Лотман. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII — нач. XIX в., Слово о полку Игореве — памятник XII века, М.—Л., 1962, стр. 339.

⁸⁶ Цит. книга регистрации, л. 11.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же, л. 33-об.

⁸⁹ Там же, л. 69.

Как видим, грамматические вопросы (3-й и 4-й) предполагают только элементарные сведения на уровне школьных грамматик. Остальные — относятся или к истории грамматических учений в России, или к истории славянской палеографии.

Можно думать, что Чернявский сообщал студентам только краткие сведения о греческой грамматике Иоанна Дамаскина, т. к. труд К. Ф. Калайдовича «Иоанн, экзарх болгарский...» вышел позже, в 1824 г. Мог говорить о виленском издании 1586 г. краткой «Словенской грамматики», основанной на трактате «О восьми частях слова» («Кграматыка словенска языка...»). Говорил, вероятно, и о первом авторитете в области грамматики, Максиме Греке, трактаты которого содержат также много греческих терминов или калек с них⁹⁰. Возможно, что для доказательства зависимости славянских грамматик от греческих приводил он термины из греко-славянской грамматики т. н. «Адельфотиса» (Львов, 1591), из Зизания (Вильно, 1596), из М. Смотрицкого (Евю, 1619) и др.⁹¹ В грамматике Смотрицкого имеются уже параллельные переводы с греческого на «словенски» и на «русски»⁹², возможно, поэтому Чернявский колебался в своих формулировках: он говорит то о «славянском» языке (вопрос 1-й), то о «русском» (вопрос 2-й).

Поскольку в XVIII веке славянской палеографии как науки еще не было (ни Татищев, ни Болтин палеографическим анализом не занимались, не следовал точно букве оригинала также Новиков в своей «Древней Российской вивлиофике»), поскольку первые палеографические исследования в России появляются лишь в начале XIX века⁹³, следует предположить, что сведения по 5-му вопросу, сообщавшиеся Чернявским, были самые общие и поверхностные.

Вопросы, касающиеся старославянского языка

1) О славянском переводе библии. Что было причиной появления этого перевода. О рукописи полного перевода библии.

2) О связи славянского языка и литературы с русской литературой. О славянском языке и его литературе — с какого времени и по какой причине позволил себя победить.

⁹⁰ С. Булич. Очерк истории языкознания в России, т. I, СПб., 1904, стр. 150.

⁹¹ Н. С. Кузнецов. У истоков русской грамматической мысли, М., 1958, стр. 8—11. И. Р. Тищенко. Развитие русской морфологической терминологии. Ростов-на-Дону, 1966, стр. 8—10.

⁹² П. С. Кузнецов. Цит. соч., стр. 11.

⁹³ Л. П. Жуковская. Развитие славянской палеографии, М., 1963, стр. 20—26.

Вопрос о Кирилле и Мефодии и их деятельности весьма занимал умы русских просветителей XVIII и начала XIX века, это было тесно связано с интенсивным изданием памятников, благодаря которому возник вопрос об их языке, об отличии языка русских памятников от языка славянских переводов библейских книг.

Деятельность Чернявского относится к тому периоду, когда не было еще знаменитой статьи А. Х. Востокова «Рассуждение о славянском языке...» (1820), не было статьи К. Ф. Калайдовича «О древнем церковном языке словенском» (1822). Хронологически последние работы, которые могли быть ему известны, это напечатанный в 1817 году доклад М. Т. Каченовского с утверждением, что церковный язык есть «древне-сербский»; замечания в первом томе «Истории государства Российского» Карамзина с тем же утверждением (1816)⁹⁴. Знал он, конечно, и высказывания Шишкова, но, как показывает формулировка второго вопроса, он не только не отождествлял вслед за Шишковым русский и церковнославянский языки, но даже говорил о «победе» над славянским языком.

Нечеткость некоторых вопросов не позволяет точно судить, что именно Чернявский имел в виду. Например, по поводу рукописи «полного перевода библии» он, вероятно, рассказывал о появлении полного библейского свода на Московской Руси в конце XV века⁹⁵. (Список перевода первой полной в России библии хранился в Московской синодальной библиотеке.)

Не вполне также понятен вопрос о «победе» над славянским языком. Может, он имел в виду борьбу против злоупотребления славянизмами и полемику с Шишковым? Но возможно и другое предположение.

Мы не знаем предложенной Чернявским периодизации истории русской литературы, но формулировка некоторых вопросов, а также отрывок из «Предначертания» до известной степени помогают восстановить его деление.

В развитии русской литературы Киевской Руси он видел два периода: 1) от начала до Ярослава Мудрого (т. е. до XI века), 2) памятники XI и XII в.

Затем говорил о переводной литературе XIII века, совсем опуская XIV—XVI века. Рассматривал литературу XVII века (особо останавливаясь на творчестве С. Полоцкого).

⁹⁴ С. К. Булич. Цит. соч., стр. 773—775.

⁹⁵ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, М., 1953, стр. 25.

Деление литературы от Нестора до ему современной на периоды он в какой-то степени ставил в зависимость от изменений «русского слога» (см. вопрос 3 — «важнейшие эпохи изменения русского слога»). В краковском варианте «Предначертания» есть фраза: «Покажется время изменения российского письма и языка. Для объяснения последнего сравнятся некоторые древние летописи и другие сочинения с новейшими»⁹⁶. Тот факт, что в XVII веке он выделил Симеона Полоцкого (с его архаизованным славяно-русским языком), а в «Предначертании» употребляет выражение «...изменение российского письма и языка», связывая изменение языка с изменением письма, т. е. с введением Петром I в 1708 г. гражданского шрифта, кажется дает возможность предположить, что временем «победы» над славянским языком он считал XVIII век. В пользу такого понимания его вопроса говорит, кажется, и то, что он на первое место в списке писателей в «Предначертании» поставил Кантемира, с творчеством которого, видимо, связывал появление новой русской литературы.

При характеристике преподавательской деятельности Чернявского показателем может быть не только проблематика его вопросов, но и методика проведения экзамена (объем вопросов, их последовательность). В качестве примера можно предложить протокол экзамена А. Мицкевича (ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 1114, л. 11-об., 12, 29 мая 1819 г.). Перечень экзаменационных вопросов стал известен благодаря публикации сына поэта, В. Мицкевича, в 4-м издании «Корреспонденции» (т. 1, стр. 42—45, Париж, 1874). Вслед за ним все вопросы приводит Г. Батовский⁹⁷, присоединяя свои предположения относительно ответа на три из них. Эти реконструкции кажутся нам неубедительными: никак нельзя думать, что Чернявский излагал «в духе», подобном «духу» статьи А. Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России» («Полярная звезда», 1823 г.)⁹⁸.

Чернявский задал А. Мицкевичу 14 вопросов по литературе, истории, истории культуры и 4 — по языку (в протоколе после последнего вопроса по грамматике стоит: «и проч.»). В приведенном нами выше перечне вопросов это: 1) по литературе № 1, 6 (с несколько измененной формулировкой: «Нет ли и теперь памятников словесности XI и XII века. Как отзываются о них ученые»); 2) по истории № 1, 2; 3) по исто-

⁹⁶ Archiwum im. Czartoryskich, Nr. 15476, k. 36-v.

⁹⁷ H. B a t o w s k i. Mickiewicz a Sławanie do roku 1840, Lwów, 1936, str. 34.

⁹⁸ Там же, стр. 38.

рии просвещения и культуры № 5, 7, 8, 10, 17; 4) по грамматике № 3, 4⁹⁹.

Этот экзамен, думается, говорит о следующем: Чернявский давал для ответа одну большую проблему, но дробил её на ряд мелких вопросов.

Вопрос предполагал знание не только фактических данных, но и научной литературы («как отзываются о них ученые»).

Последовательность вопросов (1-л., 2-и., 1-и., 5-к., 7-к., 17-к., 8-к., 10-к., 6-л.) была как бы планом ожидаемого ответа.

* * *

Общие краткие выводы о деятельности Чернявского в университете могут быть сведены к следующему:

Основное место в его занятиях занимали история России и история ее культуры.

Изложение истории русской литературы было у Чернявского скачкообразным: Киевская Русь — XVII век — писатели XVIII века.

Лекции Чернявского (как вспоминает Семашко) были скорее планово неупорядоченными и пылкими импровизациями. Бесплановость могла вызвать недовольство властей, эмоциональность — у некоторых студентов, которые не разделяли его преклонения перед просвещенными монархами. Писавший в 1819 году отзыв о профессорах университета член Главного правления училищ Лаваль отнес Чернявского к числу неспособных¹⁰⁰. В переписке филоматов о предполагаемом возвращении Чернявского в университет в 1820/1821 учебном году говорится: «Это было бы подлинным несчастьем»¹⁰¹.

Воздействие лектора не всегда проявляется как прямое влияние его историографических и литературных концепций. Они могут послужить лишь толчком для выработки полемически противоположных построений. Кроме того, лекции включают большой запас фактического материала. Если говорить о студенческих годах А. Мицкевича, то, видимо, именно такое воздействие имело место. Несомненно, Мицкевич должен был почерпнуть у Чернявского много фактов. Несомненно также, что

⁹⁹ Приведем сопоставительную таблицу номеров вопросов в нашем перечне по группам и в книге Батовского: лит. 1—1, 6—13, 14; ист. 1—3, 4, 2—2; культ. 5—5, 7—6, 8—9, 10, 10—11, 12, 17—7, 8; грамMAT. 3—4, 4—1, 2, 3 (в 4 вопросе у Батовского ошибочно написано «спряжений» вместо «склонений»).

¹⁰⁰ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 62, № 434, л. 4.

¹⁰¹ „Byłaby to klęska prawdziwa“. Archiwum Filomatów, część 1: Korespondencja Filomatów 1815—1823, wyd. J. Czubek, t. 3, Kraków, 1913, str. 25.

философия истории Чернявского не могла быть им принята. Не просвещенного монарха, а самодержца и деспота видел Мицкевич в царе, царский деспотизм, как он позже скажет в парижских лекциях, был для него «политическим дьяволом»¹⁰².

Член петербургского «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», член казанского «Общества любителей отечественной словесности»¹⁰³, средней руки стихотворец, вращавшийся среди поэтов-радищевцев, Чернявский относился к той категории людей, которые всецело поглощены какой-либо идеей. Такой идеей было для него величие России, ее культуры и литературы. Свою миссию он видел в распространении сведений о русской культуре, в постоянном подчеркивании ее древности и самобытности. Он использовал каждый повод, чтобы подчеркнуть эту мысль. Так, вероятно, основываясь на отрывке из «Повести временных лет» о стреле с надписью при осаде Херсонеса, а также на сведениях о договорах с Византией, он вставляет в свое «Предначертание» пункт о «собственных письменах» на Руси. Для него органически был неприемлем норманизм Карамзина, наоборот, он целиком принимал «национально-оборонительное», по выражению С. Н. Валка, мышление Болтина со всеми вытекающими отсюда положительными и отрицательными следствиями (хорошее знание древней русской культуры и — монархизм дворянско-просветительского толка¹⁰⁴, ошибки при объяснении этногенеза восточных славян¹⁰⁵ и пр.).

В историю университета Чернявский вошел не как ученый, а как эрудированный в своей области популяризатор.

Сокращения:

- ВГУ — Отдел рукописей Вильнюсского государственного университета им. В. Капсукаса.
ЦГИА Лит. ССР — Центральный государственный исторический архив Литовской ССР.
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
БАН — отдел рукописей библиотеки Академии Наук Литовской ССР.

Январь, 1968

Вильнюсский гос. педагогический институт

¹⁰² S. Pigoń. *Dramat dziejowy polsko-rosyjski w ujęciu Mickiewicza. Zawsze o Nim*. Kraków, 1960, str. 217.

¹⁰³ Н. П. Загоскин. История имп. Казанского университета, т. 2, Казань, 1906, стр. 269.

¹⁰⁴ Очерки истории историч. науки. Цит. соч., т. I, стр. 210.

¹⁰⁵ А. Т. Николаева. Цит. соч., стр. 164.

IŠ RUSŲ KALBOS IR LITERATŪROS DĖSTYMO SENAJAME VILNIAUS UNIVERSITETE ISTORIJOS

A. KAUPUŽA

R e z i u m ė

Apie XIX a. pradžios Vilniaus universiteto rusų literatūros profesoriaus I. Černiavskio gyvenimą ir veiklą maža težinama.

Remdamasi archyviniais dokumentais, autorė stengiasi charakterizuoti šio profesoriaus paskaitas, nustatyti kai kuriuos biografinius jo duomenis.

Peržiūrėjusi programas ir egzaminų klausimus, autorė priėjo išvadą, kad Černiavskio paskaitos buvo labai vertingos, kad jis buvo didelis savo srities eruditas ir karštas rusų kalbos ir literatūros propaguotojas.

FROM THE HISTORY OF TEACHING RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE AT THE OLD VILNIUS UNIVERSITY

A. KAUPUŽ

S u m m a r y

The biography as well as activities of the Russian Philologist Professor I. N. Cherniavsky at the Vilnius University in the beginning of the 19th century have been little investigated.

A close study of the material found in archives enabled the author to present a general idea about his lectures and to restore some biographical facts.

The investigation of University syllabi and examination questions resulted in the following: the information, communicated by I. N. Cherniavsky, was extensive, he was a man of great learning in his field and was a warm propagandist of Russian literature and culture.